

УДК 930.2

ДОБРОВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ДОСТОИНСТВА

А. О. Кудратов*, Е. А. Тильпинцев

alik.kudratov@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросу соотношения представлений об идеальном гражданине в рамках римской республиканской системы ценностей с такой социокультурной практикой как самоубийство. Учитывая значительный количественный и качественный перевес в историографии данного вопроса работ по периоду Империи, авторы прослеживают специфику самоубийств поздней Республики на материале «Гражданских войн» Аппиана, представляя акт добровольного ухода из жизни в условиях кризиса Республики как маркер раскола в системе ценностей и в обществе в целом.

Ключевые слова: история, Римская республика, кризис республики, Гражданские войны, республиканская система ценностей, гражданская доблесть, суицид, Аппиан

Вопрос о суициде как проявлении доблести римского гражданина очень важен с точки зрения понимания общественно-политических и культурных ориентиров в эпоху кризиса Республики. Гипотеза о существовании специфики такого акта в контексте системы ценностей на излете республиканского общества пока не нашла своего исследователя в историографии, поскольку внимание историков сосредоточено на времени Раннего принципата и, главным образом – на Империи (3. Р. 15), обращение же к теме самоубийств периода республики производится исследователями в поисках *exempla* или аналогий к известным казусам из истории Империи. Зачастую в качестве примера берется ситуация с самоубийством Катона Утического, однако в интерпретации этого акта очень ярко прослеживается пересечение многих смыслов при доминировании влияния его стоических взглядов (1. Р. 68; 2. Р. 151; 6. С. 121). Исходя из принятого в рамках данной работы представления о самоубийстве как добровольном (субъектном [8]) деянии человека, осознанно ведущем его к смерти, нами предпринимается попытка рассмотреть обозначенный феномен исходя из конкретных социокультурных практик и системы республиканских ценностей в кризисное время.

В историографии, помимо простого изложения истории самоубийств в Риме I в. до н.э. – I в. н.э., сделанного Иоландой Гризе (7), «печального музея», как заметил один из рецензентов книги, отмечено несколько ключевых аспектов изучения практики добровольного ухода из жизни в интересующую нас эпоху. Все они, так или иначе, имеют символическую нагрузку. Так, самоубийства объясняются исключительно попытками укрепить память об умирающих днях республики (1. Р. 65-66; 3. Р. 11). Тот же А. ван Хофф, который посвятил целый раздел своей монографии «пикам» республиканского самоубийства (3. Р. 10-14), о периоде 49-42 гг. до н.э. пишет, что многочисленные самоубийства тех лет были зафиксированы в общественных представлениях как символическая смерть политической свободы (3. Р. 10).

В контексте изучения римского гражданского сознания и поведения на протяжении всего I в. до н. э. обращается к суицидальным практикам римлян С.С. Демина (5). Доминантой ее концепции стало утверждение, что в эту эпоху (осознанно или нет) осуществляются процессы модификации, а возможно, даже – новации, которые подготавливают римлян к восприятию монархической формы государственности (5. С. 4). В этом случае наблюдается не просто активность в осуществлении подобных поведенческих актов, но и политизация самоубийств (5. С. 16). Нужно сказать, что нам кажется очень однозначным вывод о том, что суицид начинает восприниматься как нормальный поступок для политической элиты и как важный (и чуть ли ни самый действенный!) спо-

соб отставания своих жизненных принципов и политических убеждений (5. С. 16-17). Такой внешний по отношению к личности актора эффект приводит, по мнению исследователей, даже к театрализации самого действия. На это обращает внимание ещё один исследователь – Тимоти Хилл, посвятивший специальную главу республиканской литературе (прежде всего, поэзии) о самоубийстве и любителях самоубийства (2. Р. 87), но сосредоточившийся на эпохе империи и опирающийся на литературные произведения того времени. Для него также аристократическая смерть имеет форму политического протеста, рассчитанного на публику. Именно по этой причине, считает исследователь, Тацит демонстрирует столь интимное знакомство с точными деталями многочисленных аристократических сцен смерти, при том, что эти смерти очень стереотипны и повторяются (2. Р. 187). Подчеркнем, однако, что Антон Ван Хофф, например, прямо говорит об амбивалентном отношении к самоубийству в римском обществе: есть и прославление, есть и презрение (3. Р. XIV).

Рассмотрение суицидальных практик и отношения к ним в обществе может приобрести новые черты, если принять во внимание еще и политический контекст гражданских войн, на время которых приходится отмеченный ранее всплеск количества самоубийств в Риме. В связи с чем мы и приняли решение сосредоточить свое внимание на особом источнике – сочинении Аппиана Александрийского «Гражданские войны», уже самое общее знакомство с соответствующим разделом которого показывает, что ряд общих положений о римских практиках добровольного ухода из жизни, выведенных нашими предшественниками на основании других источников, подтверждения у Аппиана не находят.

Авторы статьи не сосредоточили свое внимание на индивидуально-психологической или социально-психологической подоплеке практики самоубийств в период кризиса республики. Такой подход уже использовали наши предшественники: М.Гриффин, приняв во внимание определение самоубийства, предложенное Дюркгеймом, отказывается от поиска такого критерия, как мотив, поскольку этот поиск не даст однозначного решения (1. Р. 69-70); А. Ван Хофф считает, что ни одно историческое исследование не может раскрыть реальные причины самоубийства (3. Р. 130).

Учитывая, что данное исследование обращено к процессу трансформации системы ценностей римлян в связи с кризисом республики, нам интересен антропологический аспект: как осознаются через личные судьбы граждан перемены в судьбе Рима, как сами древние *post hoc* объясняют причины самоубийств в кризисную эпоху. Несмотря на предельную «фактичность» (4. С. 14) «Гражданских войн» описания Аппиана дают качественный материал для некоторых умозаключений, который, кроме того, перекликается с тем, что можно обнаружить и у Плутарха.

Эвристический потенциал предложенной нами постановки разворачивается ещё шире, если принять во внимание не только социокультурный анализ эволюции ценностных ориентиров гражданского общества, не только явно прослеживающиеся элементы формирующейся исторической памяти, но и дидактическую направленность практически любого письменного текста римлян.

В процессе исследования были выявлены особенности интерпретации причин самоубийств с точки зрения Аппиана. Исходя из исторического контекста, описанные самоубийства могут быть определены как политические, однако, как выяснилось, в основе каждого конкретного случая суицида лежат представления об идеальном гражданине и о том, как он должен себя вести в той или иной ситуации, исходя из сложившейся системы ценности Республики. Следование системе ценностей придает самоубийству величие, благородство, высший смысл.

Особенность ситуации гражданской войны, когда эта война становится не событием, а повседневностью бытия, порождает амбивалентное отношение к практике добровольного ухода из жизни, нивелируя, иногда бессознательно, а иногда и сознательно в инте-

ресах политической пропаганды противников, проявление гражданской доблести и героизма в этих актах.

На основании имеющихся в источниках и литературе данных можно представить две позиции, в самом общем виде обозначающие причины и поводы для добровольного ухода из жизни в римском обществе эпохи кризиса республики. Первая позиция может быть обозначена как бытовая или экзистенциальная: невыносимость положения, при котором продолжение жизни не представляется возможным, например, самоубийство как избавление от подтачивающей здоровье и постепенно убивающей болезни, самоубийство как средство от невыносимой боли и т.д.

Вторая позиция с точки зрения поводов и причин для суицида формируется на более высоком, гражданском и государственном уровне. Это ценностные ориентиры гражданина: когда значимость жизни индивидуума становится ничтожной по сравнению с тем бесчестием, что предвидит он в случае сохранения собственной жизни. То есть, там, где самоубийство не является вызванным внешними, независимыми от человека обстоятельствами, а становится результатом осознанного личного выбора гражданина, мы можем говорить, что причины самоубийства рождаются системой ценностей гражданского общества. Следуя Аппиану, отметим, что главным образом ценностная подоплёка придаётся самоубийствам знатных граждан. Аппиан пишет: «Из находившихся в войске Брута знаменитых мужей одни погибли в сражениях, другие, подобно своим полководцам сами лишили себя жизни; некоторые умышленно сражались до тех пор, пока не были убиты в бою» (App. В.С. 4. 135). Как видно, никто не молил о пощаде, не пытался бежать и не был уличён в трусости.

Знаменитые отличаются от солдат тем, что рассматриваются как достойные граждане, защищающие дело родины. Причины их самоубийства с точки зрения системы ценностей выглядят возвышенными, даже достойными восхищения. «Тогда Брут сказал друзьям: “Итак, я больше уже ничем не могу быть полезен родине раз они так настроены”, и, позвав эпитота Стратона, своего друга, приказал ему убить его». Когда же Стратон стал уговаривать его еще подумать, решившийся расстаться с жизнью Брут кликнул кого-то из рабов, Стратон заявил, что для исполнения последнего приказания есть он, его друг. «С этими словами он вонзил свой меч в бок Бруту, который не отвернулся и не отступил назад» (App. В.С. 4. 131).

Такое описание вскрывает отсутствие для римлянина других причин жить, кроме как служба родине. Раз уж этот смысл потерян, то других поводов цепляться за жизнь просто не обнаруживается. Следуя логике Брута, самоубийство – возможный, а может и единственный выход «ненужного» республике человека. Эта же причина обнаруживается в самоубийстве Кассия, которое было совершено следующим образом. «Кассий, отгеснённый от своих укреплений и не имевший возможности вернуться в лагерь, бежал на холм, на котором были расположены Филиппы, и оттуда смотрел на всё происходящее», и когда стало ясно, что лагерь его взят, Кассий приказал Пиндару, своему оруженосцу, чтобы тот бросился на него и убил его» (App. В.С. 4. 113).

Несмотря на некоторую разницу в изображении двух этих случаев, Аппиан приписывает им одну и ту же причину. «К себе же самим оба, и Кассий и Брут, отнеслись с одинаковым пренебрежением, когда им стало казаться, что больше они не могут быть полезны родине» (App. В.С. 4. 133). Но при всей схожести причин двух самоубийств, ощутима и их разница. Оруженосец Кассия медлил выполнять приказание и не убивал господина. В это время, «прибежал посланный с известием, что на другом фланге Брут одержал победу и разрушает неприятельский лагерь. Кассий ответил: “Скажи ему, пусть он одержит полную победу, – а затем, обратившись к Пиндару, – Скажи, что ты медлишь, отчего не освобождаешь меня от позора?”. Тогда Пиндар убил своего господина, подставившего ему горло» (App. В.С. 4. 113).

Самоубийство Кассия может выглядеть и как акт отчаяния, потому что он мог продолжить борьбу. В источнике отчётливо видно, что Кассий потерял свой лагерь, но он

узнал о том, что на другом фланге Брут нанёс куда больший урон, чем претерпел от неприятеля сам Кассий. С прагматической точки зрения это сражение было успешным. Кассию, судя по всему, не позволило продолжать жить представление о некоем пережитом позоре.

Антоний, будучи врагом Кассия, выставлял последнего в негативном ключе. Желая подбодрить солдат, он комментирует самоубийство Кассия следующим образом: «... старший и более опытный из полководцев, отчаявшись во всём, покончил самоубийством, что уже само по себе представляет лучшее доказательство затруднительного положения врагов» (App. В.С. 4. 119). Самоубийство под впечатлением поражения, о котором говорит Антоний, может трактоваться отнюдь не как героическое, а как признак отчаяния. Пример Кассия даёт широкий простор для интерпретаций в этом смысле. В передаче Аппиана, Антоний сумел так интерпретировать факт самоубийства противника, что из этого акта исчез какой-либо высший смысл. Совершенно ясно, что самоубийство из страха и отчаяния не может соответствовать римской системе ценностей, быть атрибутом героического. А значит, своей речью Антоний выводит Кассия из пространства гражданской доблести как центрального в системе ценностей римлян, переводя мотивацию его поступка на уровень избавления от житейских невзгод и тягот жизни. Символический смысл поступка Кассия в рамках римской системы ценностей полностью нивелируется.

Гражданская война создает особые условия существования для гражданина Римской республики: место вражеского государства занимает политическая группировка соотечественников, а велась она с участием тех же граждан, лично обязанных полководцу, а иногда и наемников, для которых римская система ценностей не является руководством к действию: в сложной ситуации у наёмников «всегда остаётся надежда спастись путём перехода на сторону противника, подобно тому как меняют хозяев легкомысленные слуги» (App. В.С. 4. 123).

Очень противоречиво при этом выглядят и взаимоотношения оказавшихся противниками римских граждан, особенно имевших высокий статус. Приведенный нами пример, когда в речи перед воинами Антоний нивелирует доблесть самоубийцы-Кассия, уравновешивается примером его же Антония отношения к Бруту, тело которого он велел обернуть в лучший плащ и предал огню (App. В.С. 4. 135). Оставшиеся без командира войско Брута было прощено и распределено среди по войскам победителей (App. В.С. 4. 135). У Аппиана живописуется картина радости примирения людей только что являвшихся друг другу врагами, чему по ходу войны было огромное множество примеров (App. В.С. 4. 3; Там же, 3.80; Там же, 5.46.; Там же, 5.74.). Особенность политической и социокультурной ситуации внутреннего противостояния граждан начинает сказываться и на суицидальных практиках: необходимости убивать себя из-за нежелания попасть в плен и быть замученным, важная причина для совершения самоубийства во внешних войнах, теперь исчезает. Как видно из Аппиана, никто не молил о пощаде, не пытался бежать и не был уличён в трусости. Но одни предпочли быть прощенными и живыми, а другие – предпочли смерть добровольную в соответствии с республиканской традиционной системой ценностей. Аппиан описал тихое, без расчета на публичность самоубийство «известного своей мудростью Лабедона»: он заранее выкопал в своей палатке яму, в которую помещалось его тело, и в известный только ему момент дал меч самому верному своему рабу и подставил горло (App. В.С. 4. 135). Соединив это с другими примерами, приведенными здесь же, мы можем констатировать: знаменитые мужья из войска Брута имели возможность спастись, но предпочли смерть во имя представлений о том, что значит не быть опозоренными.

Девальвация единых когда-то ценностных ориентиров налицо: солдаты Брута в этой ситуации предпочли вместо совершения акта самоубийства – сдаться с миром, так как им ничего не угрожало: практика прощения перебежчиков активно применялась

Исследование специфики суицида в условиях кризиса Римской республики позволяет значительно расширить наши знания о трансформации традиционной системы ценностей римлян, а значит и об общественно-политической культурной жизни эпохи гражданских войн I в. до н.э. Использование в качестве основного источника «Гражданских войн» Аппиана дает показательный материал для важного умозаключения: в ситуации, когда общество расколото на две враждующие силы, происходит и раскол в отношении системы ценностей.

Литература

1. Griffin M. Philosophy, Cato, and roman suicide: I. // Greece & Rome. Vol. XXXIII. № 1. 1986. P. 64-77.
2. Hill T. Ambitiosa mors: Suicide and Self in Roman Thought and Literature. – New York and London, Routledge. 2004. – 240 p.
3. Van Hooff A. From Autothanasia to Suicide: Self-Killing in Classical Antiquity. – London; New York: Routledge, 1990 – 306 p.
4. Аппиан. Гражданские войны / Вступит. Статья С.А. Жебелева. Пер. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера // Римские войны. – СПб.: «Алетейя». 1994. – С. 7-410.
5. Демина С.С. Римское общество в I в. до н. э.: Гражданское сознание и поведение Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2000 – 20 с.
6. Никишин В.О. Конфликт между нормой и реальностью в жизни римского интеллектуала // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 114-124.
7. Grisè Y. Le Suicide dans la Rome antique. Montreal ; Paris: Bellarmin - Les Belles Lettres. - 328 p.
8. Мухаметзянова Ф.Г., Панченко О.Л. Феномен субъектности в семантическом пространстве // Мир психологии. 2017. № 4 (92). С. 137-148.

Авторы публикации

А. О. Кудратов, Казанский федеральный университет, Email: alik.kudratov@gmail.com
Е. А. Тильлинцев, Казанский федеральный университет, Email: evgueni.tchiglintsev@kpfu.ru

VOLUNTARY DEATH AS A MANIFESTATION OF CIVIC VIRTUE

A. Kudratov, E. Tchiglintsev

Kazan Federal University

Abstract: The article is devoted to presenting ideas about the ideal citizen within the framework of the Roman republican value system with such sociocultural practices as suicide. "Appian's Civil Wars", presenting the act of voluntary withdrawal from life in a crisis, as a marker of a split in the value system and in society as a whole

Keywords: history, the Roman Republic, crisis republics, Civil war, republican value system, civic virtue, suicide, Appian

Authors of the published work

A. Kudratov, Kazan Federal University, e-mail: alik.kudratov@gmail.com
E. Tilintsev, Kazan Federal University e-mail: evgueni.tchiglintsev@kpfu.ru

Дата поступления 3.03.2018